

ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 330, 338

JEL: E10, O10

Сущность, современные особенности и общая модель социально-экономической трансформации**Б.В. Салихов**, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>; SPIN-код (РИНЦ): 3045-0730e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru**И.С. Салихова**, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0001-5950-7058>; SPIN-код (РИНЦ): 3009-8750e-mail: irinasalikhova@yandex.ru**Для цитирования**

Салихов Б.В., Салихова И.С. Сущность, современные особенности и общая модель социально-экономической трансформации // Проблемы рыночной экономики. – 2024. – № 3. – С. 6-18.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-3-6-18>**Аннотация**

В статье исследуется качественная целостность и диалектическая взаимосвязь феноменов трансформации и развития, а также определяется сущность трансформации как процесса создания новой формы. В рамках методологии системной парадигмы выявляется современная специфика социально-экономической трансформации как целенаправленного процесса преобразования социально-экономических отношений с целью создания их новой модели, основанием и критерием которой являются определенный уровень и качество жизни. В единстве и взаимосвязи субъектной, объектной, проектной, средовой и процессной подсистем предложен политэкономический механизм формирования критического субъекта социально-экономической трансформации в форме правового государства (в рамках методологического социоиндивидуализма, где личность выступает, одновременно, как индивид и как член общества). Обоснован императив формирования и постоянного совершенствования человеческого капитала (управленческого, производственного, социального, когнитивного, координационного и т.д.), релевантного требованиям целевого функционала социально-экономической трансформации. Разработана общая схема повышения эффективности данной трансформации в условиях нарастания сложности.

Ключевые слова: трансформация и развитие, социально-экономическая трансформация, системная парадигма, критический субъект, новое качество человеческого капитала, институциональные инновации, целевой функционал.

The essence, modern features and general model of socio-economic transformation**Boris V. Salikhov**, Dr. of Sci. (Econ.), Professor<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>; SPIN-code (RSCI): 3045-0730e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru**Irina S. Salikhova**, Dr. of Sci. (Econ.), Professor<https://orcid.org/0000-0001-5950-7058>; SPIN-code (RSCI): 3009-8750e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

For citation

Salikhov B.V., Salikhova I.S. The essence, modern features and general model of socio-economic transformation // Market economy problems – 2024. – No. 4. – Pp. 6-18 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-3-6-18>

Abstract

The article examines the qualitative integrity and dialectical interrelation of the phenomena of transformation and development, and also defines the essence of transformation as a process of creating a new form. Within the framework of the methodology of the systemic paradigm, the modern specificity of socio-economic transformation is revealed as a purposeful process of transforming socio-economic relations in order to create their new model, the basis and criterion of which is a certain level and quality of life. In the unity and interrelation of the subject, object, project, environmental and process subsystems, a political economic mechanism is proposed for the formation of a critical subject of socio-economic transformation in the form of a rule of law (within the framework of methodological socioindividualism, where a person acts simultaneously as an individual and as a member of society). The imperative of formation and continuous improvement of human capital (managerial, industrial, social, cognitive, coordination, etc.) relevant to the requirements of the target functional of socio-economic transformation is substantiated. A general scheme has been developed to increase the effectiveness of this transformation in conditions of increasing complexity.

Keywords: *transformation and development, socio-economic transformation, systemic paradigm, critical subject, new quality of human capital, institutional innovations, target functionality.*

Введение

Актуальность статьи заключается в необходимости качественного обновления теории и практики современной социально-экономической трансформации, прежде всего, отечественного хозяйства, что является закономерной рефлексией деструктивных последствий, вызванных имплантацией неолиберальных антиценностей на российский социокультурный и политэкономический «грунт» в течение более, чем трех десятилетий. Все более признаваемый, даже западными исследователями, угасающий потенциал монетарной формы либерализма (не либерализма как такового, а именно его монетарного концепта) (Шваб, Клаус, 2022; Хантингтон, Самюэль), закономерно нацеливает ученых и практиков на поиск качественно новых целевых функционалов в дальнейшем социальном и экономическом развитии. Особую остроту проблематика социально-экономической трансформации приобретает в условиях новых вызовов и угроз, требующих обеспечения устойчивости социума и экономики нашей страны.

При этом речь идет не только об обострении противоречий между Россией и коллективным Западом, грозящих перерасти в открытое вооруженное противостояние, но также об общем нарастании сложности в форме синергии хозяйственных отношений, актуализации экологических проблем, императивах обеспечения социокультурной, институциональной и технологической безопасности и др. Резонно полагать, что не только нашу страну, но и множество других государств ожидает необходимость не просто преодоления негативных последствий неолиберальной модели преобразования хозяйственных систем по правилам «вашингтонского консенсуса», но и формирование собственных концептов социально-экономических трансформаций, причем с учетом истинных национальных интересов и собственной геокультурной и геоэкономической специфики. Очевидно, что среди возможных форм и моделей возможной социально-экономической трансформации, все более и более вероятным становится *мобилизационный инвариант*, подготовка к которому и предполагает решение, прежде всего, релевантных теоретических задач.

Цель статьи заключается в том, чтобы на основе выявления современной специфики социально-экономической трансформации, разработать принципиальную модель повышения ее эффективности в условиях неуклонного нарастания новых вызовов и угроз устойчивому хозяйственному развитию страны. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач. *Во-первых*, предполагается комплексный анализ явления трансформации при одновременном поиске форм взаимосвязи с феномен как такового развития. *Во-вторых*, предстоит выявить современные особенности политэкономической трансформации, системно обусловленные спецификой и множеством элементов нарастания сложности. *В-третьих*, необходимо разработать общий, принципиальный концепт-алгоритм повышения эффективности социально-экономической трансформации, причем предусматривающих новое «человеческое измерение» соответствующих мероприятий. *В-четвертых*, важно четко определить научно-практическое значение предполагаемых к разработке новых теоретических положений и выводов.

Качественная целостность феномена «трансформация»

В самом общем плане *трансформирование* означает «переделывание, преобразование»¹, а также «превращение, видоизменение»² какой-либо существующей формы чего-либо, то есть *создание новой формы* некоего объекта действительности. При этом, речь идет именно об изменении ранее существовавшего определенного *существенного свойства (свойств)* объекта, включая, конечно же, такой системный и многоуровневый объект как социально-экономический пространственно-временной континуум, а также все его ключевые элементы. В связи с этим, необходимо сделать ряд важнейших методологических ремарок, имеющих большое научно-практическое значение для последующего логико-гносеологического анализа проблем как таковой (общее) и социально-экономической (особенное) трансформации.

Во-первых, трансформация какого-либо объекта (системы, явления, процесса, среды и др.) всегда есть «интервенция» в его качественную целостность, которая *сущностно* конституирует как таковую бытийность именно данного объекта. Если в процессе и результате соответствующего влияния и воздействия на некий феномен не происходит преобразований на сущностном (ядро) уровне, а лишь модифицируются некоторые содержательные (оболочка) характеристики, то имеет место не трансформация, а всего лишь *развитие* некоего конкретного объекта, причем в рамках определенной действующей модели или научной парадигмы. Трансформация же всегда предполагает создание новой формы чего-либо, а не просто «сдвиг» прежней формы объекта и/или обычную «перезагрузку» ее прежних элементов.

В свете сказанного, примерами социально-экономической трансформации могут быть *преобразования*, затрагивающие становление и развитие новых отношений и соответствующих институтов собственности (известные различные общественно-экономические формации), основанные на новой критической роли какого-либо элемента производительного капитала (аграрная, индустриальная и интеллектуальная социально-экономические системы и др.). Резонно выделить «трансфер» действующих социально-экономических форм под воздействием новых, прежде всего, когнитивных технологий. Признаками процессных, возможно, «вспомогательных», относительно социальных аспектов хозяйственного развития, трансформаций представляются социокультурные, институциональные, научно-образовательные, технико-технологические и многие другие преобразования общественной и хозяйственной действительности.

Во-вторых, важно определить диалектическую взаимосвязь феноменов «*трансформация*» и «*развитие*», где *второе* всегда включает *первое*, а *первое*, в свою очередь, является некой

¹ Даль В.И. Токмовый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 251.

² Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. С. 1107.

специфической функцией *второго*, то есть развития. Другими словами, трансформация всегда есть как бы «снятое» развитие, элемент рождения (именно преобразования, трансфера) определенного нового качества в общей череде, как количественных, так и «по частичкам» качественных изменений. Однако отметим, что как таковое развитие может весьма длительный период времени не приводить накапливаемые изменения к какому-либо *новому, именно трансформационному качеству*, и в этом смысле резонно констатировать, что имманентным основанием трансформации всегда является развитие (создается новое качество объекта), но само развитие может вовсе и не «дорости» до некоего трансформационного нового качества, а ограничиться лишь некоторыми не существенными модификациями данного объекта.

В-третьих, в рамках общего подхода к проблеме трансформации какого-либо объекта, важно также отметить *различие способов осуществления* соответствующих преобразований. При этом, как в неживой, так и в живой природе резонно выделить *механизмы эволюционных (постепенных) и революционных (скачкообразных) превращений и видоизменений*. Можно предположить, что эволюционные механизмы являются более предпочтительными с точки зрения обеспечения устойчивости и предсказуемости дальнейшего развития того или иного пространственно-временного континуума, включая систему социально-экономических отношений. Однако, императивы ускоренного развития, например, социальных систем могут быть серьезным «оправданием» сознательного и целенаправленного применения конституционных, институциональных и других соответствующих организационно-управленческих процедур, искусственно ускоряющих решение задач, имеющих жизненно важно значение для определенных социумов.

Феномен скачкообразных трансформаций, если в качестве примера рассматривать социальные (одновременно, социокультурные, социально-политические и политэкономические) отношения, наиболее отчетливо просматривается в деятельности социумов и соответствующих управленческих властных элит стран догоняющего развития, стремящихся «перескочить» ряд этапов эволюционной трансформации и выйти, хотя бы по некоторым параметрам, на орбиту более развитых стран (Полтерович В.М., 2018). Такое развитие событий вполне может быть высокоэффективным, если будет расширенно воссоздаваться благоприятная, прежде всего, внешняя институциональная среда, что, в силу усиливающейся экспансионистской и эгоистической политики стран «золотого миллиарда», видится весьма проблематичным.

Системная парадигма в характеристике современных особенностей социально-экономической трансформации

Теперь, используя результаты исследования *общего* (краткого анализа проблемы трансформации как таковой, следует выявить *особенности* непосредственно социально-экономической трансформации, однако в рамках теперь уже диалектического единства феноменов «социального» и «экономического». При этом, учитывая сложный характер проблемы, методологический ракурс дальнейшего исследования вполне может основываться на дисциплинарной матрице *системной парадигмы*, предполагающей рассмотрение некоего пространственно-временного континуума (в данном случае, динамической системы социально-экономических отношений) в единстве *субъектной, объектной, проектной, средовой и процессной* подсистем (Клейнер Г.Б., 2021). Ценность методологии системной парадигмы заключается, как минимум, в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, применительно к динамике социально-экономических форм, изначально предполагается наиболее полный учет не только экономических, но и неэкономических условий и факторов хозяйственного развития; во-вторых, в рамках названной методологии, внешние и внутренние условия и факторы социально-экономического развития имеют «равные права», с точки зрения их влияния на соответствующие политэкономические отношения (Клейнер Г.Б., 2015).

Первая особенность социально-экономической трансформации, связанная с исследованием подсистемы объекта в форме социума и экономики, заключается в *императиве*

обеспечения органической целостности и комплементарности, одновременно, социальной и экономической составляющих. В самом деле, всякое «хозяйство ... есть субъективно-объективная деятельность, актуальное единство субъекта и объекта; ..., превращение механизма причин в механизм целей, в целемеханизм»³. При этом, практика свидетельствует о том, что нарушение либо недостаточно полный учет необходимости обеспечения такой целостности закономерно приводят к *трансформационному кризису*, как это имело место, например, в 90-е годы прошлого столетия в нашей стране. Суть трансформационного кризиса заключается в том, что трансформационные экономические мероприятия не обеспечиваются релевантными социокультурными, историческими и в целом цивилизационными формами. Применительно к нашей стране, насильственно внедряемые элементы «конкурентного» рынка в «неконкурентном» социуме закономерно привели и к провалам экономики, и к деградации социума одновременно (Салихов Б.В., Салихова И.С., 2023).

Гипотетически трансформационный кризис может возникнуть и в ситуации, когда социальные отношения, оформленные в соответствующие социальные институты, включая социокультурные ценности и новые ментальные модели экономического поведения, уже давно «ожидают» релевантных экономических инноваций, например, в сфере трансформации отношений собственности, радикального реформирования механизмов распределения благ, существенного обновления инвестиционной и научно-технической политики и др., однако политический класс и правящая политэкономическая элита «не спешат» решать насущные экономические задачи, уже давно имеющие благоприятный «социальный грунт». Как ни парадоксально, именно такая ситуация имела место в конце 80-х годов в нашей стране, когда экономические реформы «витали в воздухе» именно потому, что на них был *социальный спрос*, который был «удовлетворен», как известно, не самым лучшим образом.

Вторая особенность рассматриваемой трансформации, причем также в рамках подсистемы объекта, то есть в контексте диалектики феноменов «социального» и «экономического», заключается в безусловном *приоритете социального над экономическим*, что, конечно же, противоречит все еще бытующим представлениям о некой «первичности» материального (экономического) над идеально-духовным (разумом и интеллектом личности и социума). Весьма иронично подчиненный характер явления материального, по отношению к феномену духовности, охарактеризовал С.Н. Булгаков, отметив, что «экономический материализм ... есть не что иное, как философская мания величия, развившаяся у политической экономии, которая возвела себя в ранг исторической онтологии»⁴. Приоритет социального над экономическим обосновывается, во-первых, тем, что сама по себе *экономика есть наука социальная*, и именно в этой связи, аксиоматичным является известное положение о том, что экономические законы проявляются исключительно в процессе хозяйственной деятельности людей.

Далее, во-вторых, именно субъект (личность и общество) определяет общий вектор хозяйственного развития, а также формулирует соответствующие цели и задачи, причем исходя именно из своих интересов, творчески-трудовых интенций, культурных, социальных и, конечно же, материальных потребностей. Также отметим, что именно личность, выступающая, одновременно, как уникальный индивид и члена социума, а также обладающая определенными знаниями и компетенциями, является непосредственным создателем необходимых жизненных благ, принимая соответствующие хозяйственные управленческие решения и осуществляя требуемые производственные функции. В рамках рассматриваемой особенности важно отметить, что первенство социального над экономическим следует понимать именно диалектически, а не механистически. Суть в том, что новые социокультурные формы всегда являются непосредственным *продуктом внутривозвращенного обмена-общения*, что предстает

³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 69.

⁴ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 303.

не только как процесс создания нового экономического блага, но и определенный вид социокультурной практики, воссоздающей одноименные инновации, которые, доказав свою созидательную силу, становятся социокультурными традициями со статусом неформальных институтов (Студенцов В.Б., 2023).

Третья особенность социально-экономической трансформации относится к подсистеме субъекта и заключается в *необходимости четкого обозначения его критической формы и одноименной роли*. При этом, *критический субъект*, в своем высокоразвитом варианте, конституируется, одновременно, *возможностью и способностью* решать, как минимум, следующие ключевые социально-экономические задачи. Во-первых, он должен ясно формулировать общий вектор одновременного развития социума и экономики, что непосредственно связано с идеологическим выбором *точки бифуркации*, или определенным поворотом общей стратегии, одновременно, социального и хозяйственного развития. При этом роль и значение ценностно-смыслового, а также политико-идеологического обеспечения невозможно переоценить в силу их базисного положения по отношению к собственно воспроизводственным политэкономическим отношениям (Бессонова О.Э., 2023).

Во-вторых, критический субъект должен четко определять *целевой функционал*, или, так называемый *аттрактор («центр тяжести»)* социально-экономической трансформации. Другими словами, мало зафиксировать общий трансформационный вектор социально-экономического развития; не менее важно конституировать документально и в общественном сознании общую и понятную цель предполагаемых преобразований. При этом, выбранный вектор (точка бифуркации) и целевой функционал (аттрактор) социально-экономической трансформации должны соответствовать друг другу. При этом также должен фиксироваться *социальный приоритет* проводимых мероприятий, как в рамках реализации требований, обусловленных точкой бифуркации, так и в системе обеспечения целевой функции социально-экономической трансформации.

Примером несовпадения идеологической, именно неолиберальной установки социально-экономической трансформации (точка бифуркации) и целевого функционала в форме построения конституированного социального государства (целевой функционал) является современная отечественная практика. Суть заключается в выраженном противоречии между монетарно-плутократическим вектором социально-экономической трансформации и задачами обеспечения роста уровня и качества жизни домохозяйств. Закономерным результатом стал растущий приоритет «экономики денег» над «экономикой хлеба» и потребления над производством. При этом *частные блага* стали хронически превышать значимость *общих благ*, что привело к *масштабной социально-экономической несправедливости*, индикаторами которой стали хроническая бедность, углубляющееся социально-экономическое неравенство, слабость среднего класса страны (Орлова Н.В., Лаврова Н.А., 2020) и др.

В-третьих, критический субъект призван быть высокоэффективным институциональным предпринимателем, расширенно воссоздающим *национальную инновационную институциональную систему*, или «правила игры», обеспечивающие сокращение всех видов издержек. Наряду с этим, названный субъект призван быть высокоэффективным организатором хозяйственной деятельности, обладая для этого релевантным набором знаний и компетенций. Имея в виду необходимость одновременного и комплементарного развития социума и экономики в условиях осуществления социально-экономических трансформаций, критический субъект, как институциональный предприниматель, должен обеспечить аналогичную комплементарность и целостность, одновременно, конституционных «правил о правилах» и позитивно-правовых «правил игры», а также всего перечня неформальных и формальных институтов, о чем немало сказано современными исследователями (Тамбовцев В.Л., 2021).

Очевидно, что *качество* выбора точки бифуркации и определения целевого функционала социально-экономической трансформации, а также уровень эффективности воссоздаваемой институциональной системы *всегда есть функция качества и эффективности* именно

критического субъекта. При этом качественные свойства данного субъекта определяются не только уровнем профессиональных знаний, но также приверженностью определенному набору социокультурных и политико-идеологических установок, что и формирует его *способность* осуществлять назревшую социально-экономическую трансформацию. Степень эффективности названного субъекта напрямую связана и детерминируется наличием у него конкретных властных полномочий, что воссоздает *возможность* критического субъекта реализовать планы социально-экономической трансформации.

Таким образом, *основная проблема в сфере социально-экономической трансформации – это проблема качества и эффективности критического субъекта*. Поскольку на уровне национального и регионального хозяйства критическим субъектом всегда выступает государство (в лице политического и бюрократического класса и правящей элиты), то *ключевое значение для результативности любых социально-экономических трансформаций имеет качество «производства» государственной власти*. Априори резонно полагать, что явная и/или скрытая узурпация политэкономической власти в той или иной стране объективно не сможет обеспечить прогрессивный, именно социально направленный вектор преобразований именно в силу узурпации властных полномочий и воспроизводства институтов в интересах, прежде всего, бюрократии и силовых структур той или иной страны⁵. Очевидно, что наиболее предпочтительным видится вариант наделения властными полномочиями все структуры государства «снизу-вверх» с соответствующим контролем⁶, реальной отчетностью и безусловной сменяемостью власти.

Четвертая особенность социально-экономической трансформации характеризует подсистему процесса, связанную, прежде всего, с *технологией решения трансформационных задач*. Однако, поскольку речь идет об одновременном видоизменении социума и экономики, то в данном случае имеются в виду не столько технологии, например, шестого технологического уклада и их цифровые и иные формы (Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С., 2018), сколько *технологии расширенного воспроизводства человеческого капитала, причем именно востребованной трансформационной формы*. Резонно полагать, что, к примеру, для обеспечения высокой результативности в сфере повышения уровня и качества жизни домохозяйств, человеческий капитал страны, интегрированный в определенные производительные классы, должен владеть передовыми цифровыми, производственными, управленческими, координационными, коммуникационными и многими другими технологиями. При этом, уже известный критический субъект призван расширенно воссоздавать определенные условия, в рамках которых осуществляется высокоэффективная самореализация собственников человеческого капитала.

Технологии расширенного воспроизводства *трансформационной формы человеческого капитала* включают множество аспектов, среди которых базисное значение имеют целенаправленные усилия, в том числе критического субъекта, в сфере социокультурного, ценностно-смыслового, а также политико-идеологического *трансфера в пользу новых трансформационных целей и задач*. Подчеркнем, и это весьма убедительно доказала отечественная практика рыночной трансформации 90-х годов прошлого столетия, что без формирования ментального и нового мировоззренческого «грунта», рассчитывать на высокую трансформационную эффективность едва ли возможно. Не менее актуальной также представляется задача качественного обновления действующей в стране *многоуровневой системы образования и самообразования*. Имеются в виду, в том числе, современные формы индивидуального, а также корпоративного обучения и самообучения, новое наставничество, онлайн курсы быстрой и продуктивной переподготовки специалистов и др. (Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А., 2023).

⁵ См.: Бьюкенен. Джеймс М. Сочинения. Т.1. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – 560 с.

⁶ См.: Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство. СПб.: Изд-во «Пневма», 2010. – 200 с.

Пятая особенность социально-экономической трансформации непосредственно увязывается с подсистемой среды, которая всегда характеризуется перечнем новых *вызовов и угроз*. При этом, все чаще внешние, например, геополитические и геоэкономические вызовы и угрозы, трансформируются во внутренние, причем именно *трансформационные вызовы и угрозы*. Примерами могут служить вызовы, связанные с трансформацией однополярного мира в многополярную модель мирового социально-экономического развития, что вполне угрожает нашей стране остаться за пределами ключевых мировых «игроков», если нам не удастся обеспечить не только цивилизационную, но и технологическую безопасность, вовремя и высокоэффективно освоив достижения шестого технологического уклада, который, в свою очередь, также представляет собой весьма существенный вызов отечественному социально-экономическому развитию, особенно в условиях бурного развития соседнего Китая (Хейфец Б.А., 2020). Другими словами, без высокоэффективной технологической трансформации невозможно достичь высоких результатов и в сфере *необходимых и желаемых* социально-экономических преобразований.

Специфической характеристикой подсистемы среды является ее *синергетическое качество*, оказывающее усиливающееся влияние на все аспекты и элементы социально-экономической трансформации. При этом, «главное, что привносит в экономику синергетика, — это, во-первых, понимание развития как усложнения; во-вторых, представление о закономерном как о системе объектно-субъектных отношений с приматом субъективного по отношению к объективному» (Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н., 2023, с. 10-11). Здесь же важно подчеркнуть, что такие признаки экономической синергетики, как *открытость, нелинейность и неустойчивость* развития, при одновременном стремлении к самоорганизации, присущи не только экзогенным условиям хозяйственной деятельности, но и эндогенным, то есть проявляются непосредственно в системе экономических отношений *индивида «с самим собой»*. В связи с этим, все более очевидно, что феномен нанозакономерности постепенно и неуклонно приобретает вполне определенную качественную целостность.

Шестая особенность анализируемой трансформации непосредственно увязывается с подсистемой проекта и заключается в ясном видении и соответствующей характеристике *проектной модели* социально-экономических преобразований. При этом речь вполне может идти о целевом становлении какой-либо новой научной парадигмы, которая и будет собой представлять интегральную модель, способ достижения релевантной исследовательской задачи. Возможно, социально-экономическая трансформация может быть относительно результативной в рамках действующей научной парадигмы, однако в том случае, если новые научные факты будут находить свое объяснение в рамках действующей исследовательской программы. Однако если это будет происходить все с меньшей определенностью, то возникнет объективная потребность в новой научной парадигме, где «новая теория предстает как непосредственная реакция на кризис»⁷.

Сказанное имеет непосредственное отношение к современной российской экономике, по-прежнему «реформируемой» по методологии неоллиберализма. Совершенно очевидно, что такие *безусловные аномалии*, как деструкция человеческого капитала, утрата традиций экономической честности и справедливости, ускоренно исчезающее институциональное и общее доверие в социуме, бурное развитие «экономики зрелищ» вместо «экономики хлеба», сохраняющаяся отраслевая и региональная структурная архаика, депопуляция коренного населения страны и хроническая бедность и др., едва ли являются подтверждением высокой эффективности действующей парадигмы воинствующего, отнюдь не хайкевского, индивидуализма. Императив современной социально-экономической трансформации, призванной обеспечить цивилизационную и экономическую безопасность нашей страны, закономерно предопределяет необходимость разработки новой научной парадигмы.

⁷ Кун, Т. Структура научных революций. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. С. 123.

При этом, однако, следует понимать, что «переход от парадигмы в кризисный период к новой парадигме, от которой может родиться новая традиция нормальной науки, представляет собой процесс далеко не кумулятивный и не такой, который мог бы быть осуществлен посредством более четкой разработки или расширения старой парадигмы. Этот процесс скорее напоминает реконструкцию области на новых основаниях»⁸. Гипотетически резонно предположить, что общий ракурс поиска новой модели решения социально-экономических, в том числе и трансформационных задач, вполне может основываться на *методологическом социоиндивидуализме* с его «бинарной личностью», выступающей, одновременно, как уникальный индивид и как член определенного социума (Салихов Б.В., Салихова И.С., 2023). В первом случае «схватываются» важнейшие аспекты методологического индивидуализма, а во втором случае диалектически «снимаются» позитивные формы методологического холизма. Резонно полагать, что научная парадигма методологического социоиндивидуализма вполне может претендовать хотя бы на то, чтобы стать новым объектом в рамках поиска требуемой модели высокоэффективного решения социально-экономических задач в условиях новых вызовов и угроз.

Общая модель высокоэффективной социально-экономической трансформации

Возвращаясь непосредственно к *проектной модели* социально-экономических преобразований, а также учитывая ранее отмеченный приоритет «социального» над «экономическим», *целевым функционалом* социально-экономической трансформации, претендующей на прогрессивный характер проводимых мероприятий, всегда должен быть *рост уровня и качества жизни домохозяйств*. Очевидно, что это является весьма понятным и точным критерием каких-либо социально-экономических трансформаций в принципе. В том случае, если проводимые в стране и экономике преобразования не приводят к реальному повышению уровня и качества жизни, хотя бы большинства домохозяйств, а уровень и качество жизни остальных остается неизменным, то можно говорить о *прогрессивной направленности данной социально-экономической трансформации* едва ли, мягко говоря, корректно.

Важно, однако, подчеркнуть, что прогрессивная направленность социально-экономической трансформации может иметь место и в случае постоянного падения уровня жизни (но не качества!), если личность и общества, индивиды и государство в целом *сознательно и целенаправленно мобилизованы на защиту своих гуманистических ценностей и национальных интересов*, если общество и государство ведут борьбу за сохранение и приумножение собственной цивилизационной идентичности, социокультурных традиций, духовно-нравственной и территориальной целостности и т.д. В этом случае *высшим критерием эффективности социально-экономической (по сути, мобилизационной) трансформации является победа в конкретном противостоянии и противоборстве с противником*. Резонно полагать, что качество жизни в данном случае, даже при снижающемся общем ее уровне, может и, возможно, должно, существенно возрасти, поскольку гордость и счастье от спасения страны и сохранения своего геокультурного «кода», в принципе, едва ли сопоставимы с чем-либо по значимости. В связи с этим, резонно предположить, что *достойная жизнь домохозяйств и социума в целом вполне может иметь место при негативной динамике уровня жизни, однако в ситуации одновременного повышения ее качества, параметры которого характеризуются соответствующими неэкономическими формами*.

Теперь, исходя из рассмотренных ранее особенностей социально-экономической трансформации, можно попытаться наметить общие ее контуры с учетом, конечно же, безусловного императива обеспечения высокой эффективности. Принципиальная и предельно общая модель высокоэффективной социально-экономической трансформации, в рамках исследовательской программы системной парадигмы, показана на рисунке 1.

⁸ Кун, Т. Структура научных революций. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. С. 137.

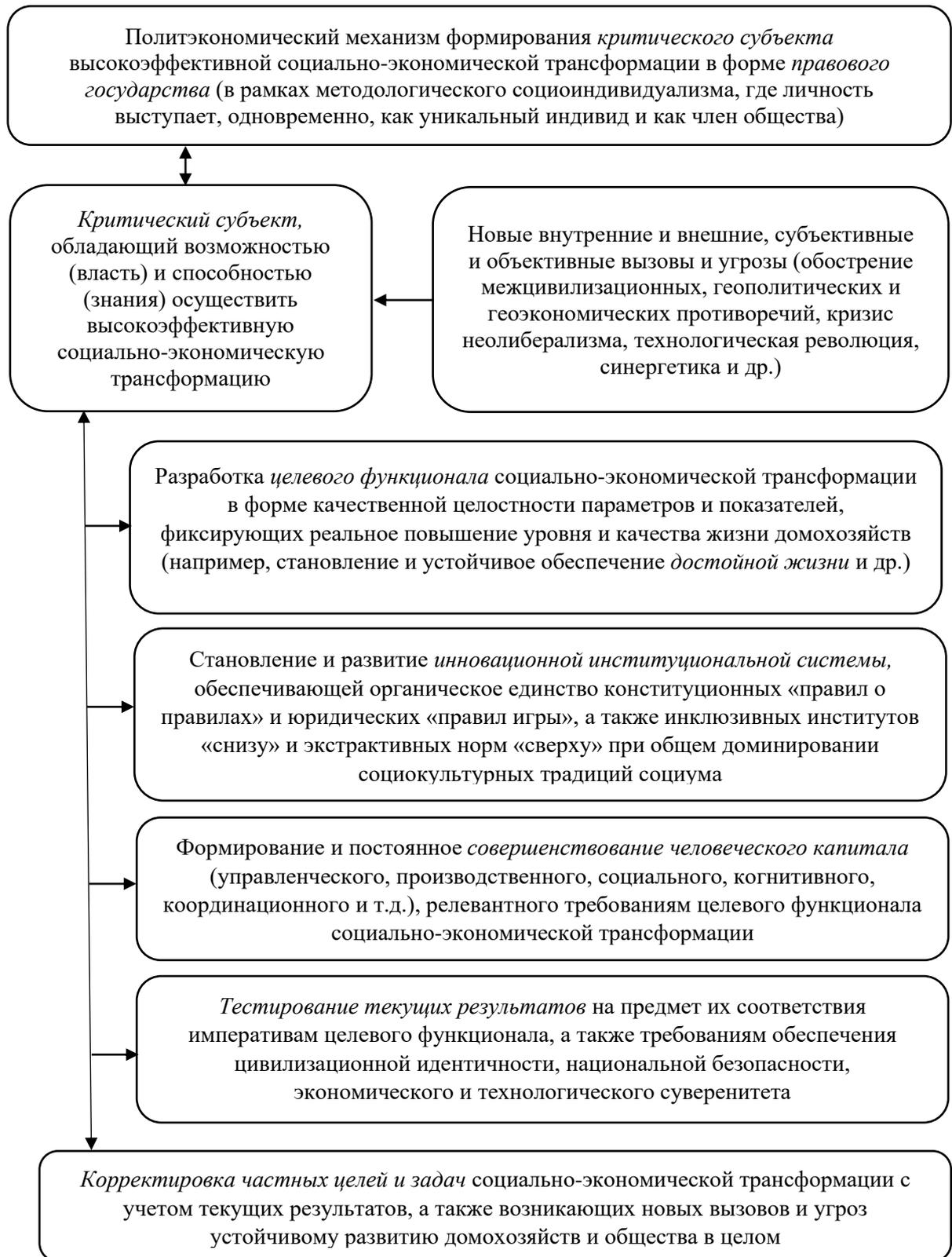

Рис. 1. / Fig. 1. Принципиальная и предельно общая модель высокоэффективной социально-экономической трансформации / A fundamental and extremely general model of highly effective socio-economic transformation

Источник: / Source: составлен авторами / compiled by the authors.

На рисунке 1 показана лишь примерная и предельно абстрактная модель высокоэффективной социально-экономической трансформации, однако в современной действительности имеет место множество форм, определяемых, прежде всего, *качеством критического субъекта* в лице государства, которое, как показывает практика, едва ли когда-либо было «полностью» правовым либо неправовым. Очевидно, что задачей особой важности необходимо считать разработку проектной формы социально-экономической трансформации с четко обозначенной целевой функцией, основанной на реальных потребностях личности и общества, а также характеризующей неуклонный рост благосостояния домохозяйств. При этом, новая проектная форма социально-экономической трансформации (целевой функционал предполагаемых преобразований) является «отправной точкой» для качественного «сдвига» либо формирования релевантной научной парадигмы, а также для формирования новых конституционных «правил о правилах» и формальных «правил игры», расширенного воссоздания человеческого капитала, способного освоить новейшие управленческие, производственные, коммуникативные, когнитивные, цифровые и другие технологии.

Научно-практическое значение результатов исследования (вместо заключения)

Научно-практическое значение отмеченных особенностей социально-экономической трансформации заключается в следующих интегральных положениях. *Во-первых*, под социально-экономической трансформацией следует понимать *сознательный и целенаправленный процесс преобразования существующих социально-экономических отношений с целью создания их принципиально новой формы, основанием и, одновременно, критерием которой является определенный уровень и качество жизни домохозяйств*. Следует подчеркнуть, что именно качество жизни является «топовым» критерием прогрессивности социально-экономической трансформации (особенно, в условиях мобилизационных отношений), хотя в обычных, или мирных условиях геокультурного и политэкономического развития, безусловно, речь должна идти об одновременном росте и уровня, и качества жизни домохозяйств. Аналогично сказанному, регрессивный вектор социально-экономической трансформации может возникнуть даже в условиях роста уровня, но одновременного снижения качества жизни людей.

Во-вторых, факт приоритета «социального» над «экономическим» в процессе и результате социально-экономической трансформации означает, что *высокая эффективность решения соответствующей задачи невозможна, если не будет требуемого социокультурного и политико-идеологического обеспечения*. Сказанное напрямую относится к современным отечественным трансформационным процессам, где стремление построить конкурентно-рыночную экономическую модель обернулось системной хозяйственной и социальной деструкцией, поскольку не были подготовлены необходимые цивилизационные и мировоззренческие условия. Итогом стали не только катастрофические социально-экономические последствия «голового экономизма», но и полная дискредитация как таковой идеи рыночного либерализма. Вот и сегодня, во время проведения специальной военной операции (СВО) по-прежнему не достает именно социокультурного обеспечения решаемых задач.

В-третьих, *социально-экономическая трансформация априори не станет высокоэффективной, если не будет сформирован (произведен, выявлен, подготовлен и др.) релевантный критический субъект*. Практика показала, что высокоэффективный критический субъект в лице правового, по-настоящему демократического государства, невозможен в условиях авторитарной политической власти с ее «плебисцитарной диктатурой», и, следовательно, невозможен высокий прогрессивный результат проводимых трансформационных мероприятий. Этот вывод качественно верифицируется, прежде всего, императивом реализации свобод каждого индивида, поскольку в условиях растущей интенсификации когнитивного пространства и, тем более, усиливающейся синергии хозяйственных отношений, именно наноэкономический уровень все в большей степени

становится критически значимым для любых прогрессивных преобразований, поскольку на этом уровне расширенно воспроизводятся требуемые системы неявного, прежде всего, непередаваемого нового знания.

В-четвертых, для высокоэффективного решения задач прогрессивной социально-экономической трансформации необходимы релевантные *трансформационные формы человеческого, институционального и технологического капитала*. Очевидно, что названные формы капитала должны быть когерентны и комплементарны в своем развитии и функционировании. *Научно-практическое значение* отмеченных положений заключается в необходимости постоянного обеспечения такого уровня развития науки и образования, который будет всецело соответствовать императивам устойчивости технологической безопасности при определенном динамизме конституционных «правил о правилах» и позитивно-правовых «правил игры». Все это должно становиться функцией отмеченного человеческого капитала, призванного реализовать себя в форме *институционального и технологического предпринимательства*, что объективно предопределяет необходимость формирования и развития у соответствующих собственников высокого уровня *дивергентного* экономического мышления и лидерского стиля управления.

Литература / References

1. Шваб, Клаус. (2022) *Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики*, Москва, Эксмо, 352 с. [Schwab, Klaus. (2022) *Common Good Capitalism: A New Model of the World Economy*, Moscow, Eksmo, 352 p.]
2. Хантингтон, Самюэль. (2020) *Столкновение цивилизаций*, Москва, Издательство АСТ, 640 с. [Huntington, Samuel. (2020) *Clash of Civilizations*, Moscow, AST Publishing House, 640 p.]
3. Полтерович В.М. (2018) “К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации”, *Вопросы экономики*, № 12, С. 77-103. [Polterovich V.M. (2018) “Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 2. Evolution of Coordination Mechanisms”, *Questions of Economics*, no. 12, pp. 77-103].
4. Клейнер Г.Б. (2021) *Системная экономика: шаги развития*, М., Научная библиотека, 746 с. [Kleiner G.B. (2021) *Systemic Economy: Development Steps*, M., Scientific Library, 746 p.]
5. Клейнер Г.Б. (2015) “Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть I”, *Вопросы экономики*, № 12, С. 107–124. [Kleiner G.B. (2015) “Stability of the Russian Economy in the Mirror of Systemic Economic Theory. Part I”, *Questions of Economics*, no. 12, pp. 107–124].
6. Салихов Б.В., Салихова И.С. (2023) “Анализ последствий импорта неолиберализма для цивилизационной безопасности России”, *Экономика и управление: проблемы, решения*, Т. 5, № 5 (137), С. 56-71. [Salikhov B.V., Salikhova I.S. (2023) “Analysis of the consequences of the import of neoliberalism for the civilizational security of Russia”, *Economics and Management: Problems, Solutions*, Vol. 5, No. 5 (137), pp. 56-71].
7. Студенцов В.Б. (2023) “О нематериальном культурном капитале”, *Вопросы экономики*, № 5, С. 131-148. [Studentsov V.B. (2023) “On intangible cultural capital”, *Questions of Economics*, no. 5, pp. 131-148].
8. Бессонова О.Э. (2023) “Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз”, *Вопросы экономики*, № 1, С. 132-146. [Bessonova O.E. (2023) “The Influence of Ideology on the Choice of Russia’s Institutional Model: Retrospect and Forecast”, *Questions of Economics*, no. 1, pp. 132-146].
9. Орлова Н.В., Лаврова Н.А. (2020) “Российский средний класс: особенности структуры и финансовое поведение”, *Вопросы экономики*, № 11, С. 32-47. [Orlova N.V., Lavrova N.A. (2020) “Russian middle class: structural features and financial behavior”, *Questions of Economics*, no. 11, pp. 32-47].
10. Тамбовцев В.Л. (2021) “Качество институтов: проблемы определения и оценки”, *Вопросы экономики*, № 7, С. 49-68. [Tambovtsev V.L. (2021) “Quality of Institutions: Problems of Definition and Assessment”, *Questions of Economics*, no. 7, pp. 49-68].

11. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. (2018) “Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России”, *Вопросы экономики*, № 4, С. 5-26. [Idrisov G.I., Knyaginina V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S. (2018) “New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia”, *Questions of Economics*, no. 4, pp. 5-26].

12. Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А. (2023) “Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего”, *Вопросы экономики*, № 10, С. 5-27. [Auzan A.A., Maltsev A.A., Kurdin A.A. (2023) “Russian economic education: the image of the near future”, *Questions of Economics*, no. 10, pp. 5-27].

13. Хейфец Б.А. (2020) “Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России”, *Вопросы экономики*, № 6, С. 104-121. [Kheifets B.A. (2020) “China’s Technological Rise: New Challenges for Russia”, *Questions of Economics*, no. 6, pp. 104-121].

14. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2023) *Экономика как синергетическая система*, М., ЛЕНАНД, С. 10-11. [Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2023) *Economy as a synergetic system*, M., LENAND, pp. 10-11].

15. Салихов Б.В., Салихова И.С. (2023) “Цивилизационная безопасность: логико-гносеологическое восхождение к сущности понятия”, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, Т. 19, № 3 (420), С. 404-427. [Salikhov B.V., Salikhova I.S. (2023) “Civilization Security: A Logical and Epistemological Ascent to the Essence of the Concept”, *National Interests: Priorities and Security*, Vol. 19, no. 3 (420), pp. 404-427].

Об авторах

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем рынка РАН, Москва.

Салихова Ирина Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва; профессор кафедры финансового учета Московского университета им. С.Ю. Витте, Москва.

About authors

Boris V. Salikhov, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research of the Market Economy Institute of RAS, Moscow.

Irina S. Salikhova, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow; Professor, Department of Financial Accounting, Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow.